

сей дворянин, указывая на Марквизу, закончил свой панегирик словами: «Вот, сударь, к чему приводит добродетель». Малерб, нимало не колеблясь, указал ему на жену коннетабля де-л'Эдигьера и сказал: «А вот, сударь, к чему приводит порок».

Желая проучить своего слугу, Малерб прибегал к довольно забавному способу. Поэт выдавал ему на день десять су, что по тем временам было вполне прилично, и платил двадцать экю жалования; а когда слуга, бывало, его сердил, он выговаривал ему в таких выражениях: «Друг мой, гневить хозяина значит гневить бога; а чтобы испросить у бога прощенья, надобно поститься и раздавать милостыню. Посему из того, что вам причитается, я удерживаю пять су, которые, забываясь о вас, раздам бедным во искупление ваших грехов».

Ничего так не любил Малерб, как говорить самым близким друзьям — Ракану, Коломби, Ивранду и другим — о своем презрении ко всему, что ценится в свете. Он не раз заявлял Ракану, который происходил из рода де Бюэй, что хвастаться своим старинным дворянством неразумно; что чем оно стариннее, тем сомнительнее, и что достаточно одной похотливой бабы, чтобы испортить чистоту крови Карла Великого или Людовика Святого; что иной раз тот, кто воображает, будто ведет свой род от сих славных мужей, происходит, быть может, от какого-нибудь лакея или скрипача.* Завидя издали покойного Короля, который в ту пору был еще очень юн, он говорил иногда: «Взгляните на этого мальчишку, вокруг него теперь все суетятся; а вильни, зачипая его, Королева задом вкось, и он остался бы на простыне комочком слизи, от которого стошнело бы горничную, делающую постель».

Он и себя не щадил в том искусстве, в котором блистал, и нередко говорил Ракану: «Видите ли, любезный друг мой, коли нашим стихам суждено жить после нас, мы можем рассчитывать лишь на то, что о нас станут говорить как о двух искусных стихослагателях, кои весьма опрометчиво провели жизнь за столь мало полезным и для себя и для людей занятием, вместо того чтобы всласть повеселиться да подумать о том, как сплотить себе состояние».

Он испытывал глубокое презрение к людям вообще и, напомнив в двух-трех словах о смерти Авеля,¹⁸ добавлял: «Недурное начало, а? Их на земле всего только трое или четверо, а они уже друг друга убивают; что же после этого мог ожидать от людей господь, ради чего он так старался их сохранить?».

* Во дворец Рамбуэ привели однажды какого-то фокусника, который безо всякой боли вывихивал людям руки и ноги, а затем вправлял их. Локоть его испробовали на лакея. Глядевший на все это Малерб сказал фокуснику: «Вывихните мне локоть». Боли он не почувствовал. Потом локоть ему вправляли так же безболезненно. «И все-таки, — заметил он, — умри этот человек, пока у меня так вот был вывихнут локоть, все бы стали кричать, что я безрассудно любопытен».